

Б.И. Карипбаев*

*Карагандинский университет имени академика Е.А. Букетова, Караганда, Казахстан
(E-mail: karipbaev@mail.ru)*

Судьба науки и образования в эпоху глобализации (социально-философский аспект проблемы)

В статье осуществлена попытка осмыслить в социально-философском ключе природу и статус науки и образования в условиях глобализационных процессов, происходящих в мире. Очевидно, что наука и образование, находящиеся на передовом крае формирования личности, общества, государства, испытывают на себе влияние этих серьезных процессов. В связи с этим актуализируется проблема мировоззренческого осмысления этих институтов с целью определения основных направлений развития науки и образования. Автором использована концепция постнеклассической науки, которая апеллирует к необходимости и приоритетности междисциплинарных оснований подобных исследований. Осуществляемая сегодня в Казахстане целевая программа стратегия «Новый Казахстан» требует усиления факторов науки и образования в этом государственном и общественном конструировании. Автор обозначает свою исследовательскую позицию через анализ современного состояния проблемы и определения контуров формирования новой парадигмы науки и образования. В последнее время все очевиднее становится роль науки как обслуживающей компоненты государства и общества. Некоторые государственные программы, например «Модернизация общественного сознания», обеспечили науке безбедное существование и определили место и значение науки как интерпретатора и идеологического обоснования государственной политики. Авторская позиция связана с осмыслением необходимости и важности реформ в образовании и в науке на всех уровнях. Реформы должны обеспечить академическую свободу в образовании, провиденциалистский формат существования науки.

Ключевые слова: наука, образование, глобализация, реформа, тренд, академическая свобода, провиденциализм, постнеклассическая наука, модернизация, гетерогенность.

Введение

Актуальность данного исследования определяется необходимостью осмысления в координатах постнеклассической парадигмы роли и статуса науки в современном обществе в целом и казахстанском обществе в частности. К сожалению, наука и образование сегодня в Казахстане находятся в состоянии перманентного неэффективного реформирования. Это связано с тем, что форматы Болонской конвенции насаждаются без должного учета специфики казахстанского общества, в основном воспроизводятся лишь декоративные, формальные признаки этой модели образования и науки. И в этой ситуации, в погоне за новизной, мы забываем о серьезных достижениях прошлой системы образования и науки — «с водой выплеснули и ребенка». Такая расточительность приводит к тому, что современная казахстанская система образования и организация науки хромают на обе ноги. И это плачевное состояние дел приводит к серьезным проблемам: отток специалистов, профессионалов, научных работников за рубеж, слабый уровень выпускников, узкотемье в науке и т.д. Особенно плачевно обстоят дела в области гуманитаристики. Такое положение дел не отвечает тем амбициозным задачам, которые ставит перед собой современный Казахстан. Основная цель данного исследования — проанализировать тот социокультурный фон, который сегодня «заказывает» основные тренды в развитии науки и образования.

Методология и методы исследования

Как правило, объект исследования требует адекватного методологического сопровождения. В рамках данного исследования мы посчитали возможным и необходимым использование методологии, которые активно воспроизводятся в рамках постнеклассической парадигмы. Такое методологическое сопровождение требует использования междисциплинарной методологии. Наука и образование не могут исследоваться только в рамках отдельной науки в силу их фундаментального присутствия в системе современного общества. В связи с этим в данном исследовании будет применен эпи-

*Автор-корреспондент. E-mail: karipbaev@mail.ru

стемологический потенциал разных наук — философии, культурологии, политологии, педагогики. Такой методологический симбиоз, на наш взгляд, позволяет наиболее панорамно посмотреть на обозначенную проблему. В силу фундаментальности искомой проблемы важно использовать и те методы, которые выдержали проверку временем, несмотря на существующие в науке критические их оценки. Наука и образование — сложные, глубокие явления. По ним можно судить о позитивных или негативных тенденциях в развитии социума. В этой связи их необходимо исследовать с применением методологических разработок системно-структурного анализа. Наука и образование историчны, проследить историю этих институтов, чтобы обозначить перспективы в будущем, необходимо использование потенциала историко-логического метода. Важным методологическим основанием этого исследования стал метод компаративистики, который обеспечил сравнительный анализ в оценке сегодняшнего состояния науки и образования в мире в целом и Казахстане в частности.

Обсуждение

Существует три сакраментальных вопроса, которые сопровождают человечество с момента возникновения его самосознания в качестве более-менее целостной цивилизационной общности. Художник-постимпрессионист Поль Гоген использовал их, чтобы дать название своей знаменитой картине. Звучат они так: «Откуда мы пришли?», «Кто мы?», «Куда мы идем?».

Эти вопросы не теряли своей актуальности на протяжении практически всех известных нам исторических эпох, однако сегодня дать на них однозначные ответы крайне затруднительно. Связано это с тем, что можно назвать гетерогенизацией социальной реальности, то есть усложнением самой ткани общественного бытия, возникновением внутри нее различных текстур и фактур, образующих все более сложные грани и комбинации.

Прежде чем что-либо предполагать, заявлять или утверждать касательно роли и значения университета в XXI веке, необходимо как можно более полно и внятно очертить контуры той социокультурной (и соответственно, социоэкономической, социополитической) ситуации, внутри которой мы все находимся.

В качестве главного слова, которым хотя бы отчасти можно релевантно описать эту ситуацию, мы выбрали слово «глобализация». При этом нас, в первую очередь, интересует ее культурный аспект, который напрямую детерминирует режим коммуникации между различными группами и коллективами.

В первую очередь, необходимо уяснить, что речь идет не о содержательном изменении, а о трансформации, то есть изменении на уровне формы. Глобализация означает не просто добавление каких-то новых реалий (новых видов информации) в жизнь человека, а преобразование самого способа взаимодействия человека с окружающим миром.

Лучше всего этот новый способ можно описать как невозможность изоляции. Благодаря изобретению и активной эксплуатации интернета, современный человек в информационном отношении в буквальном смысле стал гражданином мира.

Даже если сам он не проявляет активной заинтересованности в событиях и процессах, происходящих за пределами его жизненного мира, в поле его повседневной коммуникации с высокой степенью вероятности проскользнет какая-нибудь политическая, социальная или культурная новость. Одна из миллиардов, которые ежечасно транслируются в соцсетях. Сегодня нужно прилагать большие усилия, чтобы оставаться не в курсе, чтобы не знать, что случается и происходит.

Наивно полагать, что интернет и изменение в способах коммуникации, которые он породил, привели к тому, что человек просто стал более информированным. Дело обстоит куда более серьезным образом. Можно говорить о том, что современные форматы коммуникации (способы социального взаимодействия) задают новые параметры человеческой экзистенции: наборы персональных ценностей; как следствие конфигурации идентичности, коды общественных статусов, конвенции социальных игр и т.д.

Поскольку глобализационная трансформация осуществляется одновременно по многим линиям и фронтам социальной реальности, трудно однозначно определить в чем именно происходят коренные сдвиги, не говоря уже об определении механики этих сдвигов и возможности прогнозирования последствий этих сдвигов.

Здесь уместно вспомнить не лишнее сарказма замечание Ульриха Бека, согласно которому «глобализация является ... наименее проясненным, вероятно, самым непонятым, запутанным, поли-

тически эффективным словом [лозунгом, оружием в споре] последних лет, которое останется таким в ближайшее время» [1].

Сразу отметим, что на то есть свои причины. И помимо вполне понятных, связанных с корыстными манипуляциями (в целях реализации интересов отдельных групп), существуют причины объективного порядка, среди которых мы бы выделили следующие:

1. Глобализация — незавершенный проект. [Этот фактор позволяет нам оправдывать условность и многозначность используемого термина, поскольку референтное поле его обозначения еще не стало чем-то фактическим, а остается по преимуществу процессуальным. Более того такое положение вещей превращает термин «глобализация» из дескриптивного в конструктивный, по той причине, что дискурсивная тематизация в информационном обществе, действуя по принципу самосбывающегося пророчества, создает такие предметные сущности, которые бы не возникли вне разговора о них].

2. Существующие типы научных дискурсов отстают по степени сложности от современных социогуманитарных процессов. [Это нормальная ситуация, которую можно объяснить ссылкой на теорему Геделя о неполноте формальных систем; либо же на более поэтические констатации в духе «сова Минервы вылетает в сумерки» или «глаз видит все, кроме самого себя». Другими словами, темп реальной практики всегда опережал темп теории. Дело усугубляется еще тем, что скорость социальной практики во второй половине XX и начале XXI века невероятно увеличилась за счет технологического прыжка].

3. Процессы глобализации не происходят сами по себе, а осуществляются людьми, которые, в свою очередь, являются носителями различных, порой конфликтующих идеологических систем мысли и ценностей. Это приводит к возникновению коллизий и противоречий внутри глобализации, что, конечно же, не облегчает задачу ее концептуализации. [Здесь важно избежать ошибки гипостазирования и не воспринимать глобализацию как нечто самостоятельное, происходящее само по себе, помимо и вне воли людей].

Таким образом, глобализация оказывается не просто нейтральным понятием, а ценностно-окрашенным, коннотативно-нагруженным термином, который находит себе как сторонников, так и противников. Например, оптимистическую оценку глобализации мы можем найти у такого либерального социолога, как Энтони Гидденс, заявляющего, что «у глобализации масса преимуществ во всех сферах жизнедеятельности мирового сообщества... Ей нет альтернативы» [2].

Можно, однако, встретить и прямо противоположные суждения, отождествляющие глобализацию с такими тенденциями, как массовизация, унификация или даже «макдональдизация» [3]. Противники глобализации в качестве одного из главных негативных последствий указывают понижение уровня культуры (уровня смыслов, ценностей, качественного разнообразия жизни).

Авторы, стремящиеся отойти от популистских высказываний, выражают довольно сдержанные точки зрения, которые мало что проясняют среднестатистическому человеку, непосредственному участнику глобализационных процессов. Например, когда Рональд Робертсон [4], собственно тот, кто первый ввел в теоретический обиход понятие «глобализация», рассуждает о диалектике глобализации и приходит к выводу, что это амбивалентная и симультанная инверсия единичного во всеобщее и всеобщего в единичное, он всего лишь занимается обобщающими спекуляциями.

Даже рафинированный интеллектуализм некоторых теоретиков, когда они утверждают, что глобализация – это «поток конвергирующих сил, создающих подлинно единый мир» [5], порой не скрывает изрядной доли ангажированности и тенденциозности.

Невозможность формулирования строгой дефиниции не означает блокировку других возможностей осмысления глобализации. Следуя принципу методологического анархизма Фейерабенда, мы не побрезгуем даже самым слабым видом доказательства в логике — аналогией, и попытаемся увеличить объем представлений читателя о глобализации путем создания всевозможных ассоциаций.

Первое, что приходит в голову при слове «глобализация» (с учетом владения минимального культурологического тезауруса), — это понятие «осевого времени» немецкого философа Карла Ясперса [6].

Данным словосочетанием он обозначал специфический период в истории человечества (800–200 гг. до н.э.), в течение которого ряд стран (Древняя Индия, Древний Китай, Древняя Греция, Древняя Персия, Древняя Палестина) независимым друг от друга образом перешли от локальных мифологических представлений к универсализирующим философским понятиям в области мышления, религии, этики, политики.

Понятно, что осевое время ознаменовало качественный переход мира из одного состояния в другое. Точно также глобализация, современниками которой мы все являемся, знаменует некий парадигмальный переход. И, в первую очередь, этот переход затрагивает сферу коммуникации.

Именно в свете этого факта и были инициированы проекты трансцендентально-герменевтического значения языка, как матрицы для достижения интерсубъектности, морального консенсуса и выработки относительно универсальных процедур рациональной аргументации, допускающей множественность аксиологических мотиваций участников.

Процитируем Карла-Отто Апеля: «Первая философия больше не является исследованием природы или сущности вещей или сущего (онтологией), не является она теперь и рефлексией над представлениями или понятиями сознания или разума (теорией познания), но представляет собой рефлексию над значением или смыслом языковых выражений (анализом языка)» [7].

Если принимать в расчёт тот факт, что философия не существует в вакууме, а рождается в пространстве напряженных социальных отношений, можно с уверенностью проводить корреляцию между попытками онтологизации языка и процессами глобализации.

Трудно, но важно уразуметь следующую истину: коммуникация отныне — новый и безальтернативный способ существования человечества. Любая сфера деятельности базируется на коммуникации. Она не исчерпывается функцией передачи информации, но также обеспечивает установление доверия, создает общесемантическое поле понимания, согласовывает ценностные устремления, способствует порождению нового и т.д.

В то же время не стоит слишком радикализировать этот тезис. Мы не согласны с формулировками по типу «глобализация — процесс формирования некоего мирового общества, выходящего за национально-государственные границы и обретающего общие экономические, политические, экологические, социокультурные и цивилизационные характеристики. Информационные технологии, транспортные магистрали, телекоммуникации и другие технические достижения цивилизации существенно ослабили значимость географического пространства. Начала формироваться новая экономика, основанная на принципах многомерного коммуникативного пространства» [8].

Пожалуй, наиболее корректным модусом аналитики глобализации будет диагностика, а не прогностика, поскольку еще очень рано говорить о каких-то итогах и делать обобщающие выводы.

Мы можем констатировать формирование новых гибридных структур уже на институциональном уровне в сфере культуры, политики и экономики, что, безусловно, ведет к появлению новых форм мотивации и способов взаимодействия.

Остановимся на каждой из этих сфер и обозначим в чем заключается сущностное изменение, вызванное глобализацией.

В сфере экономики происходит своего рода интернационализация мирового хозяйства. Субъектом экономических процессов становятся так называемые транснациональные корпорации, которые по способу своей организации значительно отличаются от традиционных национальных государств. Масштаб деятельности ТНК и степень их влияния столь велики, что они вполне могут конкурировать с государством. Это вызывает понятные опасения, когда в растущем влиянии ТНК начинают видеть угрозу целостности суверенитета отдельных стран. Некоторые теоретики открыто сравнивают деятельность ТНК с ведением экономической войны, направленной на подрыв и дестабилизацию финансовых потоков внутри отдельного государства.

Важно различать два момента:

1. Неминуемость интегративных процессов современного мира.
2. Необязательность реализации этих процессов только через сценарий глобального капитала.

Здесь открывается целое поле для дискуссий, в центре которого находится гипотеза о множественности способов глобализации, в том смысле, в каком Эйзенштадт говорил о множественности способов модернизации [9].

Вот почему следует воздержаться от редукционистских трактовок в духе отождествления глобализации и вестернизации, тем паче от разного рода конспирологических инсинуаций наподобие идей Колемана [10].

В политическом отношении глобализация не означает отмену государственных границ или утрату своего суверенитета национальными государствами, но глобализация, безусловно, означает вызов, который эти государства должны принять и как-то на него ответить.

По большому счету количество возможных ответов сводится к трем:

1. Принятие текущего курса глобализации = американизации.

2. Борьба с текущим курсом — антиглобализм=антиамериканизм (который зачастую маркируется как фундаментализм).

3. Поиск иных вариантов глобализации — альтерглобализация.

Наиболее конструктивный ответ, на наш взгляд, представляет собой третий вариант, поскольку он несет в себе потенцию развития нового при сохранении старого.

Так мы переходим к культурному аспекту глобализации, который состоит в выработке новых способов коммуникации, новых фреймов экономических и политических отношений. Разумеется, что подобная реновация требует самотрансформации акторов, их добровольное изменение, принятие новых смысловых параметров, перестройку устоявшихся структур ценностей. Невозможно действовать иначе и при этом оставаться прежним. В то же время это не означает утрату прежнего, потерю себя.

Мы постепенно добрались до ключевой категории, которая одновременно является и вызовом и решением, — до толерантности.

Если глобализация означает тотальность коммуникации. Если утончение границ между культурами приводит к ценностным и смысловым диффузиям внутри глобальной коммуникации, то неизбежен конфликт в случае несовпадения (некомплементарности) семантики и аксиологии участников коммуникации. И поскольку невозможно обратить процесс глобализации или делать вид, что ничего не происходит, остается только одно — попытаться выработать новые правила, новые форматы коммуникации, в которых конфликтотенный потенциал сведен к минимуму.

Понимание сложившейся ситуации неизбежно порождает требование толерантности, то есть терпимого отношения к иному (будь то другое религиозное исповедание или сексуальная ориентация). Однако подлинно терпимое отношение к иному невозможно без хотя бы частичного понимания этого иного. Другими словами, человек может принять (хотя бы не осуждать) только то, что он способен понять. Поэтому проблема формирования толерантности упирается в проблему понимания.

Как научить человека понимать то, что он не понимает? Путем постепенного приобщения его к этому. Разница между педагогикой и андрогогикой только в степени резистентности. Ребенок не сопротивляется, обучаясь новому. Взрослый же, будучи заложником разного рода привычек и стереотипов, предубеждений и предвзятостей, испытывает идиосинкразию по поводу любых изменений в привычном распорядке с трудом отлаженной жизни.

Идиосинкразия преодолевается за счет итерации, того количества повторений, которое необходимо, чтобы сформировать новую привычку (сделать непривычное привычным).

С помощью каких средств можно в массовом порядке формировать культуру толерантности у молодого поколения путем расширения когнитивных возможностей понимания иного?

Ответ, как будто, напрашивается сам собой. С помощью сферы образования. Потому что именно в ней концентрируется контент самого актуального знания и именно в ней за долгие годы выработана технология трансляции этих знаний.

Можно задать вполне резонный вопрос: «Если ответ столь прост и очевиден, почему до сих пор уровень культуры толерантности в Казахстане остается на таком низком уровне?»

К сожалению, большая часть проблем по-прежнему упирается в так называемый кадровый вопрос. Называя вещи своими именами, следует честно сказать, что профессорско-преподавательский состав многих университетов в Казахстане — это носители советской и постсоветской ментальности. А поскольку идеология Советского Союза строилась на принципах эксклюзивности (мы правы — они не правы), те, кто в соответствии с требованиями времени должны способствовать формированию культуры толерантности у молодых поколений, сами в действительности оказываются заложниками бинарных схем.

Между поколениями наблюдается серьезный разрыв, вуалируемый общепринятой системой господства–подчинения, при которой молодое поколение беспрекословно слушает старшее, но при этом внутренне остается совершенно чуждым артикулируемым смыслом и ценностям.

Абсурдно ожидать иных результатов, если подход и способ воздействия остаются прежними.

Курс на прагматизацию, который был заявлен как необходимое условие для модернизации общественного сознания, на наш взгляд, предполагает отход от бесконечного рефлексирования и переход к конкретным практикам и методикам. Например, активное привлечение приемов прикладной психологии и психотерапии в поле коммуникации между преподавателями и студентами с целью создания доверительных межличностных связей.

Преодоление отчужденно-официального казенного формата отношений «преподаватель/студент» в определенном смысле и будет доказательством возможности установления толерантной коммуникации между людьми, принадлежащими к разным социокультурным кластерам.

Выводы

Подводя предварительный итог, мы можем заключить, что глобализация, под знаком которой разворачивается современная социокультурная ситуация, — это сложный диалектический процесс, полный противоречий и весьма далекий от завершения.

Столкновение разнородных культурных кодов, происходящее по причине глобализации, ведет к неизбежным конфликтам в силу неготовности участников современного социального процесса к толерантной коммуникации.

Толерантность, которая на внешнем уровне проявляется как корректное терпимое поведение в отношении иного, в действительности возможна только в случае серьезной когнитивной рекалибровки субъекта, позволяющей ему расширить свое мировидение до масштабов, способных вместить иное как хотя бы отчасти понятное.

Поскольку толерантность связана с пониманием, привилегированной зоной ее формирования, очевидно, должна стать сфера образования, в частности — университет.

Если школа действует по принципу прививки, или, скажем, гетерономной социализации, то университет (в идеальном замысле) предоставляет возможность выработки автономных рефлексивных суждений. Поэтому, в первую очередь, университет — это коммуникативная среда, участвуя в которой студент овладевает навыками и компетенциями, которые он никогда не получит из книжек или в аудитории.

Однако не все так просто. Уточнение, которые мы заключили в скобки в предыдущем абзаце, указывает на дивергенцию плана должного и плана сущего. Современный университет как вполне устоявшаяся социальная институция, сам претерпевает кризис, который можно охарактеризовать в причинном и целевом отношении.

Поскольку не ясен образ будущего, возникает проблема телеологической функции университета. Что он должен делать? Какие знания давать? К какому будущему готовить студентов?

Поскольку университеты Казахстана во многом детерминированы своим советским прошлым, возникает вопрос о способах если не преодоления, то хотя бы переосмысления этого наследия, которое представляет собой ощутимый барьер на пути к интеграции в современное мировое сообщество.

Список литературы

- 1 Бек У. Что такое глобализация? Ошибки глобализма — ответы на глобализацию / У. Бек. — М.: Прогресс-Традиция, 2001. — С. 40.
- 2 Гидденс Э. Ускользящий мир. Как глобализация меняет нашу жизнь / Э. Гидденс. — М.: Весь мир, 2004. — С. 75.
- 3 Ритцер Д. Макдональдизация общества / Д. Ритцер; пер. с англ. А. Лазарева. — М.: Праксис, 2011. — 592 с.
- 4 Robertson R. Globalization Theory and Civilization Analysis / R. Robertson. — Comparative Civilizations, 17. — 1987.
- 5 Kriesi Hanspeter, et al. Globalization and the transformation of the national political space: Six European countries compared / Hanspeter, Kriesi, et al. European Journal of Political Research. — 2006. — 45.6. — P. 921-956.
- 6 Ясперс Карл. Истоки истории и её цель / Карл Ясперс // Смысл и назначение истории. — М.: Политиздат, 1991. — С. 32–34.
- 7 Апель К.-О. Трансформация философии / К.-О. Апель; пер. с нем. В. Куренного, Б. Скуратова. — М.: Логос, 2001. — 339 с.
- 8 Арсентьева И. Глобализация и перспективы мирового развития / И. Арсентьева // Изв. Рос. гос. пед. ун-та им. А.И. Герцена. — 2008. — С. 9.
- 9 Эйзенштадт Ш. Новая парадигма модернизации / Ш. Эйзенштадт // Сравнительное изучение цивилизаций: хрест.: учеб. пос. для студ. вузов. / сост., ред. и вступ. ст. Б.С. Ерасова. — М.: Аспект Пресс, 1998. — С. 470–479.
- 10 Coleman J. Modernization / J. Coleman. International Encyclopedia of Social Sciences. — 1968. — 10. — P. 397-398.

Б.И. Карипбаев

Жаһандану дәуіріндегі ғылым мен білімнің тағдыры (мәселенің әлеуметтік-философиялық аспектісі)

Мақалада әлемде болып жатқан жаһандану үдерістері жағдайында ғылым мен білімнің табиғаты мен мәртебесін әлеуметтік-философиялық түйінде түсінуге талпыныс жасалған. Жеке тұлғаның, қоғамның, мемлекеттің қалыптасуында алдыңғы қатарда тұрған ғылым мен білім саласы осы күрделі процестердің ықпалында екені анық. Осыған байланысты ғылым мен білімнің дамуының негізгі бағыттары айқындау мақсатында аталған институттардың идеологиялық түйсіну мәселесі өзекті болып отыр. Автор мұндай зерттеулердің пәнаралық негіздерінің қажеттілігі мен басымдылығына жүгінетін постклассикалық емес ғылым тұжырымдамасын пайдаланған. Бүгінде Қазақстанда жүзеге асырылып жатқан «Жаңа Қазақстан» стратегиясының мақсатты бағдарламасы осы мемлекеттік және қоғамдық құрылыста ғылым мен білім факторларын күшейтуді талап етеді. Мақала авторы мәселенің қазіргі жағдайын талдау және ғылым мен білімнің жаңа парадигмасының қалыптасу контурын анықтау арқылы өзінің зерттеушілік ұстанымын айқындайды. Соңғы кездері ғылымның мемлекет пен қоғамның қызмет етуші құрамдас бөлігі ретіндегі рөлі барған сайын айқын бола бастады. Кейбір мемлекеттік бағдарламалар, мысалы, «Қоғамдық сананы жаңғырту» ғылымға жайлы өмір сүруді қамтамасыз етіп, мемлекеттік саясаттың аудармашысы және идеологиялық негіздемесі ретінде ғылымның орны мен маңыздылығын айқындап берді. Авторлық ұстаным барлық деңгейдегі білім мен ғылымдағы реформалардың қажеттілігі мен маңыздылығын түсінумен байланысты. Реформалар білім берудегі академиялық еркіндікті, ғылымның өмір сүруінің провиденциалистік форматын қамтамасыз етуі керек.

Кілт сөздер: ғылым, білім, жаһандану, реформа, тренд, академиялық еркіндік, провиденциализм, постклассикалық емес ғылым, модернизация, гетерогенділік.

B.I. Karipbaev

The fate of science and education in the era of globalization (socio-philosophical aspect of the problem)

This article attempts to comprehend in a socio-philosophical way the nature and status of science and education in the context of globalization processes taking place in the world. It is obvious that science and education, which are at the forefront of the formation of personality, society, and the state, are influenced by these serious processes. In this regard, the problem of ideological understanding of these institutions is actualized in order to determine the main directions of the development of science and education. The proposed article uses the concept of postnonclassical science, which appeals to the necessity and priority of interdisciplinary foundations of such research. The target program implemented in Kazakhstan today, the strategy "New Kazakhstan" requires strengthening the factors of science and education in this state and public construction. In the article, the author defines his research position through the analysis of the current state of the problem and the definition of the contours of the formation of a new paradigm of science and education. Recently, the role of science as a service component of the state and society has become increasingly obvious. Some state programs, for example, "Modernization of Public Consciousness" provided a comfortable existence for science and determined the place and importance of science as an interpreter and ideological justification of state policy. The author's position is connected with the understanding of the necessity and importance of reforms in education and science at all levels. The reforms should ensure academic freedom in education, a providentialist format for the existence of science.

Keywords: science, education, globalization, reform, trend, academic freedom, providentialism, post-nonclassical science, modernization, heterogeneity.

References

- 1 Bek, U. (2001). Chto takoe globalizatsiia? Oshibki globalizma — otvety na globalizatsiiu [What is globalization? Mistakes of globalism – responses to globalization]. Moscow: Progress-Traditsiia [in Russian].
- 2 Giddens, A. (2004). Uskolzaiushchii mir. Kak globalizatsiia meniaet nashu zhizn [Runaway World: How Globalization is Reshaping Our Lives]. Moscow: Ves mir [in Russian].
- 3 Ritzer, D. (2011). Makdonaldizatsiia obshchestva [The McDonaldization of Society]. (A. Lazarev, Trans.). Moscow: Praksis [in Russian].
- 4 Robertson, R. (1987). Globalization Theory and Civilization Analysis. Comparative Civilizations, 17.

- 5 Kriesi, Hanspeter, et al. (2006). Globalization and the transformation of the national political space: Six European countries compared. *European Journal of Political Research*, 45(6), 921-956.
- 6 Jaspers, Karl. (1991). Istoki istorii i ee tsel [The Origin and Goal of History]. *Smysl i naznachenie istorii — The meaning and purpose of history*. Moscow: Politizdat [in Russian].
- 7 Apel, K.-O. (2001). Transformatsiia filosofii [Transformation of Philosophy]. (V. Kurennoi, B. Skuratov. Trans.). Moscow: Logos [in Russian].
- 8 Arsenteva, I. (2008). Globalizatsiia i perspektivy mirovogo razvitiia [Globalization and prospects for world development]. *Izvestiia Rossiiskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A.I. Gertsena — Proceedings of the Russian State Pedagogical University named after A.I. Herzen*, 9 [in Russian].
- 9 Eizenshtadt, Sh. (1998). Novaia paradigma modernizatsii [A new paradigm of modernization]. *Sravnitelnoe izuchenie tsivilizatsii: khrestomatiia: Uchebnoe posobie dlia studentov vuzov — The Comparative Study of Civilizations: A Reader: A Textbook for University Students*. B.S. Erasov (Ed.); Moscow: Aspekt Press [in Russian].
- 10 Coleman, J. (1968). Modernization. *International Encyclopedia of Social Sciences*, 10, 397-398.